

Е. А. ЦЫПАНОВ (Тарту)

МОРФОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧАСТИЯ НА *-iś* В КОМИ ЯЗЫКЕ

С помощью суффикса *-iś* в коми языке образуются причастия совершающего действия (СКЯ 242), или активные причастия незаконченного действия, например, *велодысь морт* 'учащий человек', *бёрдысь кага* 'плачущий ребенок'. В диалектах суффикс различается только вокалической огласовкой, форма *-iś*, как и в литературном языке, встречается в присыктывкарском, верхнесыольском, ижемском, печорском, нижневычегодском, среднесыольском, а как вариант также в нижневычегодском и лузско-летском диалектах. Форма *-iś* распространена в лузско-летском, нижневычегодском, удорском, верхневычегодском диалектах, в коми-пермяцком языке (Баталова 1982 : 147—148). Семантически во всех диалектах причастие на *-iś* в общем однородно, поэтому в статье приводятся примеры из художественных произведений. Коми суффикс *-iś* грамматически омонимичен с суффиксом элатива, например *керкаысь* 'из дома', *мыысь* 'из земли'. Происхождение его спорно (Серебренников 1963 : 14—16). Изредка грамматическая омоформа суффиксу *-iś* проявляется у основного глагола при отрицательном спряжении в формах *оз кывзысь* 'не слушается', *эз кывзысь* 'не слушался'. Фонетически идентичная форма возникает из гласного *i* основы глагола и суффикса *-ś* с возвратным значением; в отрыве от контекста она совпадает с причастием *кывзысь* 'слушающий'. В речи же эти звуковые совпадения никак не нарушают восприятие информации, суффиксы выступают строго в своих грамматических категориях.

Важной чертой современного коми языка является формальная идентичность причастных суффиксов и суффиксов отглагольных существительных. В литературе по-разному трактуется это явление: подобные образования или считаются категориально недифференцированными (СКЯ 155; Суханова 1967 : 94, 96), или существительные с суффиксом *-iś* типа *гöрысь* 'пахарь' рассматриваются как субстантивированные причастия (Бубрих 1949 : 130; Серебренников 1963 : 156). Несомненно, явление формального совпадения суффиксов есть показатель былой нерасчлененности инфинитных глагольных форм и отглагольных существительных. В настоящее время в финно-угроведении общепринято положение о развитии инфинитных глагольных форм из финно-угорских отглагольных имен (Rätsep 1954 : 450). Позже функции и значения отглагольных имен стали дифференцироваться, развитие шло медленно и продолжается непрерывно (Rätsep 1954 : 455—456). При этом языки находятся на разных уровнях развития; в коми языке идентичность формантов говорит о более древней стадии дифференциации, но уже на мате-

риале отглагольных существительных делается вывод о формировании самостоятельной категории отглагольных существительных и выделении группы субстантивирующих суффиксов в отличие от формально тождественных суффиксов причастия (Федюнева 1981 : 95, 123). Исследователи не раз констатировали факт близости или тождественности причастий на *-iś* и отглагольных существительных в определенном контексте (Wiedemann 1884 : 169; Stipa 1960 : 69; Федюнева 1981 : 167). Обычно такая близость возможна в предложении в позиции подлежащего, дополнения и реже именного сказуемого. К тому же активное причастие незаконченного действия в плане семантики вообще очень близко к отглагольному существительному со значением «имя действующателя». Сходное формальное и семантическое соотношение существует в удмуртском языке (ГСУЯ 261), марийском (Пенгитов 1951 : 5), в финском языке активные причастия на *-va/-vã* семантически очень близки именам действателя типа *laula-jã* 'певец' (Куусинен 1954 : 2—3). В водском языке имя деятеля на *-ja/-jã* имеет общее функционирование в роли причастия настоящего времени, например, *autoje kana* 'наседка' (Ariste 1948 : 88). В карельском языке подооное же функционирование имен деятеля на *-ja/-jã* обобщилось в причастие на *-ja/-jã*, а далее полностью вытеснило оощеприбалтийско-финскую форму активных причастий на *-va/-vã* (Гарасов 1963 : 65). Все это говорит о зыбкости семантических и морфологических границ между рассмотренными образованиями.

Общепринято, что в суффиксе *-iś* консонантный элемент имеет уральское происхождение; *-iś* возводится к финно-угорским или уральским суффиксам отглагольных имен $*\acute{s} \sim *\acute{z}$ (Lehtisalo 1936 : 198—202; Collinder 1960 : 271; Основы 1974 : 353). Отмеченный суффикс выделил еще И. Синней на материале марийского, мордовского, обско-угорских языков (Szinyei 1922 : 82), а затем и И. Дьёрке (Györke 1935 : 25—26), однако коми примеры ими не привлекались. И. Синней трактовал *-iś* как сложный суффикс, первый компонент которого возводил к ф.-у. $*-j$ и объединял с суффиксом претерита, второй компонент связывал с possessивным именным суффиксом (Szinyei 1922 : 80—81), так же полагают Дьёрке (Györke 1935 : 34) и Серебренников (1963 : 294). Т. Утила не согласен с трактовкой *-iś* как сложного суффикса и считает грамматически значимым только консонант \acute{s} , а гласный суффикса относит к основе глагола (Uotila 1933 : 274). Еще ранее гласный суффикса к основе глагола отнес А. И. Емельянов, он привел и диалектные варианты суффикса с гласными *-a*, *-i*, *-i* (Емельянов 1927 : 96). Аналогичным образом рассматривают данный суффикс Г. Штипа (Stipa 1960 : 68) и Г. А. Федюнева (1981 : 114). Диалектная вариантность объясняется выделением из первичной гласной основы \acute{i} (собственно \acute{i}), с одной стороны, *-i*, а с другой, *-i*, после чего в продуктивных суффиксах произошло выравнивание в сторону одного из вариантов (Лыткин 1964 : 236). Можно добавить, что в древнепермском языке были суффиксальные варианты *-iś*, *-iś*, *-eś* (Лыткин 1952 : 116). В большинстве коми диалектов и в литературном языке сложился суффикс *-iś*, а в коми-пермяцком и удмуртском литературных языках *-iś*. Впервые же пермские примеры с этим суффиксом в одну группу уральских deverбальных имен с суффиксом $*\acute{s} \sim *\acute{z}$ с марийскими и мордовскими параллелями включил Ю. Вихманн в 1922 г. в своей лекции (по сообщению: Uotila 1933 : 185).

Х. Рятсеп выделяет девять признаков инфинитных глагольных форм, общих для финно-угорских языков, в том числе и элемент \acute{s} , и далее констатирует, что причастия на *-ś* выступают только в пермских и волж-

ских языках (Rätsep 1954 : 463), то же отмечает Б. А. Серебренников (1964 : 172). В удмуртском языке суффикс *-s* (*-is*) образует причастие, сходное с рассматриваемым, например, *эктӥсь нылӥс* 'танцующие девушки' (ГСУЯ 260). В марийском языке этимологически общий с коми *-is* суффикс *-še/-šo/-šö* образует активные причастия, например, *кайыше* 'идуший', *лудшо* 'читающий' (Пенгитов 1951 : 4). В мордовских языках суффикс *-ž* образует причастия законченного действия, например эрз. *празь васень лавось* 'выпавший первый снег', которые могут иметь активное и пассивное значение (Ледяйкина 1980 : 77). Окончательное формирование причастий с общим финно-угорским элементом *s* произошло, вероятно, в обеих группах языков отдельно, на что указывает уже временное различие в значениях причастий обеих языковых групп (Rätsep 1954 : 468).

Что касается остальных форм рассматриваемой категории коми языка, у активного причастия на *-is* сложилось вполне оформленное грамматическое значение, чего нельзя сказать о причастиях на *-an* и *-em*, которые могут быть как активными, так и пассивными. Функционально-грамматическими соответствиями коми причастию на *-is* в системах финно-угорских языков являются указанные выше удмуртские причастия с суффиксом *-s* (*-is*), марийские активные причастия с суффиксом *-še/-šo/-šö*, мордовские действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-i/-i, -ij/-ij, -aj/-aj, -iča/-iča*, например эрз. *уды сельмензе* 'спящие глаза' (ГМЯ 349), в прибалтийско-финских языках — активные причастия настоящего времени с признаком *-pa/-pä* (в слабой ступени *-va/-vä*), например, фин. *näkevä* 'видящий', кар. *elävä* 'живущий' или *kündäjä mieš* 'пашущий человек', вод. *kuttsuva* 'приглашающий', эст. *lugev* 'читающий' (Laanest 1975 : 162).

При рассмотрении морфологической семантики причастия на *-is* исследователи в первую очередь отмечали значение активного действия, приписываемого лицу или предмету как их признак; выделяли причастия совершающего действие (СКЯ 242); на активный характер указывал Д. В. Бубрих (1949 : 129), Б. А. Серебренников отмечал причастие действительного залога (1963 : 294). «Причастия с суффиксом *-ыс* обозначают признак по действию, производимому лицом или предметом, который выражен в определяемом причастием слове: *чотыс морт* 'хромающий человек'» (ПСД 153—154). Действительно, референт, выражаемый определяемым словом, обычно является логическим субъектом побочного действия-признака, выраженного причастием: *Кокъяснас чужъясьысь ошкӧс мый вынсьыс бергӧдӧс бок вылас, перйис Олышӧс, пуксьбӧдӧс* (Юхнин 79) 'Медведя, лягающегося ногами, изо всех сил перевернул, вытащил Олыша, посадил'. Для параллельного выражения содержания причастной конструкции возможна трансформация в придаточное определенное: *Мый вынсьыс бергӧдӧс ошкӧс, кодӧ чужъясьӧ кокъяснас* 'Изо всех сил перевернул на бок медведя, который лягается ногами'. В большинстве случаев определяемое выражено словами, обозначающими одушевленные предметы, людей или животных (КПЯ 222): *Бура ветлыны тӧянлы! — вочавидзисны катище вылӧ кольччысь ёртъяс* (Юхнин 97) 'Хорошо сходить вам! — ответили остающиеся на катище друзья'; *А тӧв кезлӧ кольччысь зверь-пӧтка тэрмасисны пасьтасьны тӧвся пасьӧн* (Юхнин 152) 'А остающиеся на зиму звери-птицы спешили переодеться в зимнюю одежду'. Реже определяемое в причастной конструкции выражено неодушевленным существительным: *Повзьӧдчысь вуджӧртъясӧн тӧдчӧны керкаяс* (Изьюров 8) 'Пугающими тенями проступают дома'.

Так называемая активность причастия зависит и от конкретного лек-

сического значения глаголов. Наиболее активны причастия, образованные от глаголов конкретного действия (в самом широком значении), среди которых устойчивую группу образуют глаголы движения: *Патовъяс керкаын шызисны, кор аддзисны налань локтысь Егорос* (Изъюров 164) 'В доме Патовых всполошились, когда увидели подходящего к ним Егора'; *А ѓткѓн быгыльтчысь керсьыд позьѓ ѓтарчыштылыны* (Юхнин 132) 'А от одиноко катящегося бревна можно уклониться'. В этих случаях причастия выражают значение 'совершающий такое-то действие'. Нередко причастие получает переносное значение глагола (вместе с основой): *Руѓн пѓлясьысь самѓварыс рѓмпѓштан моз нерис чай юсьсысѓс* (Юхнин 117) 'Паром дышащий самовар дразнил пьющих чай'. Причастия, образованные от глаголов состояния, а также т. н. рефлексивных глаголов, глаголов проявления или изменения признака, имеют общее значение 'находящийся в таком-то состоянии, имеющий такой-то признак': *Гѓтырыс мыйкѓ нургис висьысь ныв дѓнас* (Изъюров 148) 'Жена что-то скулила у болеющей дочери'; *Дзѓбсьѓбѓн скѓралысь мортлѓн пыр тадзи овлѓ* (Юхнин 94) 'У тайком зlobствующего человека всегда так бывает'. С точки зрения глагольного значения это наименее активные причастия. К той же группе примыкают причастия, образованные от основ изобразительных глаголов, которые имеют обычно широкий спектр значений релятивного характера и часто характеризуют опорное слово наличием признака либо свойства или указывают на состояние, в котором находится предмет, означенный определяемым словом: *Рытладор чусасьысь арся пемыд вой воѓмыс ѓѓзлысь нимкодълунсѓ эз кусѓд* (Юхнин 160) 'К вечеру брезжащий, мерцающий приход осенней ночи не погасил радости людей'. Подобные значения передают причастия на *-š* (*-iš*) и в удмуртском языке (ГСУЯ 261). Однако во всех типах репрезентации глагольного значения в причастиях неизменно наличие логического субъекта побочного действия-признака в определяемом слове, отсюда значения данного типа причастий с точки зрения переходности-непереходности глагольной основы не различаются.

Следующий важный вопрос — это время причастия на *-iš*. Считается, что первоначально древние причастия не имели временной и залоговой дифференциации, но во всех уральских языках наблюдается тенденция к преодолению такой недифференцированности (Серебренников 1964 : 172—174). Относительно времени коми причастия на *-iš* встречаются противоположные точки зрения: более распространено мнение, согласно которому у причастий отсутствует категория времени (Бубрих 1949 : 129; СКЯ 242) или же признак, выраженный в причастии, безносителен ко времени (КПЯ 222; Stipa 1960 : 68; Серебренников 1963 : 294—295), с другой стороны, Х. Рятсел считает причастие на *-iš* причастием настоящего времени (Rätsep 1955 : 286, 412); авторы нормативной грамматики удмуртского языка тоже относят аналогичное коми причастию образование на *-š* к настоящему времени (ГСУЯ 258, 260; см. также Калинина 1975 : 59). Анализ коми материала позволяет говорить о наличии категории относительного времени активных причастий на *-iš*. Как известно, категория времени причастий и финитных форм глагола — это не одно и то же: причастия обладают категорией относительного времени, которая не составляет предикативную синтагму и соотносится в предложении не с моментом речи, а с другим действием — основным (Калакуцкая 1971 : 13). Между тем время причастий ошибочно рассматривается по отношению к моменту речи (как у финитных форм) в грамматиках коми языков (СКЯ 242; КПЯ 222). Действительно, в предложении *Ен нимѓн Петыр лѓньѓдѓс вензьысь мужикѓс* (Пыстин 27)

'Именем бога успокоил Петыр спорящего мужика' настоящее время причастия соотносится со временем основного действия и выражает одновременность с ним, к плану прошедшего относится оно с точки зрения общей семантики предложения. Здесь проявляется общая черта настоящего времени — одинаково хорошо передавать непосредственно совершающееся действие, а также будущее и прошедшее. В следующих предложениях временной план причастий соотносится с настоящим временем основного действия: *Друг сэни пукалысь Певчой Конё шцё* (Юхнин 66) 'Вдруг сидящий там Певчий Конё говорит'; *Ми воклы жё од гижан, му уджалысьыслы* (Юшков 181) 'Нашему брату ведь пишешь, на земле работающему'. Настоящее время причастий вместе с таковым спрягаемого глагола может выражать модальный оттенок прошедшего, когда настоящее время употребляется для выражения давнопрошедших действий, как бы приближая воспринимающих информацию к тому временному плану, который подразумевается в речи: *Пач муртса өддзёма, шлонгё пач вомё би сора тыын, ме видзёда пач вомё, чургёдла киясё лыньгысь шоныдыслы воча да гора чиктывла* (Куратова 5—6) 'Печка только-только разгорелась, топочное отверстие обдуает огнем и дымом, я смотрю в печку, протягиваю руку к распространяющемуся теплу и громко радуюсь'. Значит, настоящее время причастий служит также средством специфической передачи содержания говорящим.

Часто план одновременности соотносится с прошедшим временем основного действия: *Мёд линнас катысь пыжаяс, ас сиктса йёз, сувтисны сы водзё* (Чисталев 117) 'На другой день поднимающиеся по реке на лодках люди, люди из своего села, остановились возле него'. Все причастия обычно трансформируемы в определительные придаточные предложения, например, в последнем случае: *Мёд луннас пыжаяс, кодъяс катисны, ас сиктса йёз, сувтисны сы водзё* 'На другой день люди, которые поднимались на лодках, остановились возле него'. Причем финитный глагол в придаточном определительном в зависимости от общего содержания может передаваться в форме настоящего или прошедшего времени, как в последнем случае. Это говорит о способности причастия на *-iš* в пределах простого предложения максимально полно и широко выражать одновременность с действием основного глагола.

Сделанные наблюдения отражают общую закономерность соотношения времени причастия ко времени глагола, выражающего основное действие в предложении; но при употреблении причастий часты различные дополнительные оттенки, обусловленные значениями и взаимодействием глагольных основ причастия и спрягаемого глагола, зависимых от причастия слов, контекста. Следовательно, грамматическим значением времени причастия на *-iš* является одновременность с основным действием.

Выражая одновременность, причастия на *-iš* имеют два оттенка значений: 1) действие совпадает по длительности с основным действием или ограничено конкретной ситуацией: *... но Прокопейёс суис выджд шог: ош гу вом дорысь аддзис куйлысь Соболюсё* (Юхнин 79) '... но Прокопия застала большая беда: у отверстия медвежьей берлоги он увидел лежащего Соболя'; 2) действие, которое шире основного действия, длительнее или постоянно: *Сёмын кёнкё вылын ягас дыр на кылис, юргис-сьылс вой олысь вёркай* (Чисталев 117) 'Только где-то высоко в бору долго еще слышалась, пела-звенела ночью обитающая лесная птица'. Эти оттенки присущи также значению настоящего времени спрягаемых форм глагола. Причастия на *-iš* с широким временным значением встречаются чаще, нередко выступая в составе сравнительных

конструкций в качестве опорного слова и выражая признак, лежащий в основе сравнения: *Эськё юмов кё вёлі . . . — вашкёдіс Дуня, а съёлёмыс, кыдзи оз тыра чуман вайысь ичётік нывкалён, тіпкіс* (Юхнин 110—111) 'Если бы было сладкое . . . — шептала Дуня, а сердце, как у маленькой девочки, несущей полное лукошко земляники, билось'.

Свойственное активным причастиям на -iś грамматическое значение одновременности может легко переходить во вневременность, что благоприятствует их адъективизации, развитию чисто признакового значения: *Волёмабсь пышъялысь йёз, ёзтёмабсь керкасё* (Юхнин 67) 'Приходили беглые люди, подожгли дом, оказывается'; — *Кывзысь-ысь да уджалысь кёзьяйка лёб, — сэки тишупыштліс аслыс Прокопей жёник* (Юхнин 130) 'Послушная и работающая хозяйка будет, — взял тогда на заметку себе жених Прокопий'; но этот процесс нуждается в отдельном рассмотрении.

В системе причастий коми языка форма на -iś семантически идентична активному причастию настоящего времени с суффиксом -an: *быдмысь пу* 'растущее дерево', *быдман пу* то же. Это объясняется тем, что последние, сохраняя древнюю особенность финно-угорских глагольных имен, в функции определения могут выражать активный или пассивный признак: *куйлан турун* 'лежащая трава', *ытшкан турун* 'косимая трава, трава для кошения'. При этом по сравнению с причастиями на -iś отмечается их большая пассивность: *дзоридзалан сад* 'цветущий сад' (Бубрих 1949 : 134). В. А. Ляшев отмечает в вымском диалекте большую частотность употребления причастия на -an по сравнению с причастием на -iś для выражения активного признака *šelsevetsaň gižeččan baba volis* (скр. *gižedčis*) 'из сельсовета записывающая женщина приходила' (Ляшев 1975 : 162). Подобное употребление распространено и в других диалектах (КЯД 72; ВВД 114; ПСД 154; ВСД 134; ПД 43—44: ССД 55). Из-за идентичности морфологических значений изредка наблюдаются случаи нарушения в употреблении суффиксов, например: *Вөръю ваён тірзьёдысь бона вывті вуджёртчис да мёдіс разны катыдладор бона помсё* (Юхнин 100) 'По боне, колеблемой водами Вөръю, переметнулся и стал отвязывать конец боны в стороне к верховью реки'. В конструкции *Вөръю ваён тірзьёдысь бона* определяемое слово *бона* не является субъектом действия-признака, выраженного в причастии, грамматически субъект выражен существительным в форме творительного падежа. Правильная форма: *Вөръю ваён тірзьёдан бона* 'колеблемая водами Вөръю', причастие на -an имеет значение пассивного признака настоящего времени.

При определении отрицательной формы причастия на -iś Д. В. Бубрих указывает на отрицательное причастие с суффиксом -tem и приводит примеры (1949 : 134—135), аналогично считает и Г. Штипа (Stipa 1960 : 81). Полагаем, что выделение отрицательной формы — причастия с суффиксом -tem — неполно, необходимы дополнения. В случае *Кыв шутём да пыр чёв олысь морт* 'Ни слова не говорящий и всегда молчащий человек' (Бубрих 1949 : 135) причастие *шутём* адъективизировано и выражает постоянный признак, а вообще же отрицательное причастие на -tem, имея оттенок прошедшего времени (Stipa 1960 : 81; КПЯ 223), представляет собой адекватное отрицательное соответствие причастию прошедшего времени с суффиксом -em, например: *мыськалём джодж* 'вымытый пол', *мыськавтём джодж* 'невымытый пол'. Отрицательные причастия подвергаются массовой адъективизации (*төдтём* 'незнакомый', *туйтём* 'негодный') и в этом случае составляют отрицатель-

ные соответствия причастий на *-iš*: *кужысь* 'умеющий, умелый', *кужтём* 'неумелый'. Возможно, здесь идет адъективизация с обеих сторон. Обычно же отрицательным соответствием причастию на *-iš* бывает употребление того же причаствия с отрицательной частицей *абу* 'не': *быдтысьысь мам* 'воспитывающая (детей) мать', *абу быдтысьысь мам* 'не воспитывающая (детей) мать'.

Причастия с суффиксом *-iš* сравнительно часто употребляются в разговорной речи, но более широко они функционируют в письменной форме языка, в художественной литературе, главным образом при описаниях. Сохраняя способность глагольного управления, причастия выступают вместе с зависимыми словами, образуя причастный оборот или сокращенное предложение (Wiedemann 1884 : 169), например: *Лоомторгяс ойдё донгявны кужысь Свежов пырысь пыр аслыс тишупыштис, мый Кузьпелевлён на динын матын дзедьсясьомыс абу прёста* (Юхнин 166) 'События быстро оценивать умеющий Свежов сразу себе уяснил, что близкое скрывание от них Кузьпелева неспроста'. «Как правило, инфинитивы и причастия используются для создания дополнительного ядра предикации внутри основного предложения, в котором обязательно имеется сказуемое, выраженное финитной формой глагола» (Дубровина 1977 : 37). И хотя в уральских, а также, следовательно, в пермских языках наблюдается все более усиливающаяся тенденция к замещению конструкций с центральным словом — инфинитивной глагольной формой — придаточными предложениями (Tauli 1966 : 87—88, 91—92), широкое употребление таких конструкций налицо, особенно в описаниях. Но их анализ требует специального исследования.

Сокращения

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка (Историко-филологический сборник, вып. 10), Сыктывкар 1966; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесольский диалект коми языка, Москва 1975; **ГМЯ** — Грамматика мордовских языков, Саранск 1980; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **Изьюров** — И. Изьюров, Том оломо́й том гажой, Сыктывкар 1962; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962; **Куратова** — Н. Куратова, Бобойнянь көр, Сыктывкар 1983; **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961; **ПД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **Пыстин** — И. Пыстин, Бөрйём гижодьяс, Сыктывкар 1960; **СКЯ** — Современный коми язык, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесольский диалект коми языка, Москва 1980; **Чисталев** — Тима Вень (В. Т. Чисталев), Менам гора тулыс, Сыктывкар 1980; **Юхнин** — В. Юхнин, Дингьельса вөрпункт, Сыктывкар 1970; **скр** — присыктывкарский диалект коми языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам, Москва.
- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Дубровина З. М. 1977, Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении (К вопросу об эквивалентах предложения). — Вопросы финно-угорской филологии, Ленинград, 34—74.
- Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Калакуцкая Л. П. 1971, Адъективация причастий в современном русском литературном языке, Москва.
- Калинина Л. И. 1975, Адъективация причастий на *-(u)сь*. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. 3, Ижевск, 58—64.
- Куусинен М. Э. 1954, Причастия в финском языке. Автореф. канд. дисс., Петрозаводск.
- Ледяйкина В. А. 1980, Причастия в мордовских языках. Канд. дисс., Саранск.

- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
 — 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
 Ляшев В. А. 1975, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар.
 Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), 1974, Москва.
 Пенгитов Н. Т. 1951, Причастия в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Ленинград—Москва.
 Серебrenников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
 — 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
 Суханова В. С. 1967, Причастия как грамматическая категория в пермских языках. — Лингвистический сборник IV, Петрозаводск, 94—98.
 Тарасов В. П. 1963, Употребление причастий незаконченного действия в карельском языке. — Прибалтийско-финское языкознание, Москва—Ленинград, 64—69.
 Федюнева Г. А. 1981, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Канд. дисс., Сыктывкар.
 Ariste, P. 1948, Vadja keele grammatika, Tartu.
 Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala.
 Györke, J. 1934, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu.
 Laanest, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
 Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
 Rätsep, H. 1954, Infiniitsed verbivormid soome-ugri keeltes. Kandidaadi väitekirj; Tartu (рукопись).
 Stipa, G. 1960, Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu CXXI).
 Szinyei, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig.
 Tauli, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, The Hague (UAS 17).
 Uotila, T. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
 Wiedemann, F. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St.Petersburg.

J. A. CYPANOV (Tartu)

THE PARTICIPLE WITH THE SUFFIX *-iš* IN THE KOMI LANGUAGE

The paper deals with the morphological and semantical description of the participle with the suffix *-iš* in the Komi language. The basic material was collected from original Komi literature. The article takes into consideration also the information from dialectal materials. The suffix *-iš* has a Fenno-Ugric origin and there are etymological similarities in the Udmurt, Mari and Mordvin languages. Semantically this form of the participle is the active participle of unfinished action. This participle with the suffix *-iš* has the category of the relative present tense and expresses an action simultaneous with that of the main verb in the sentence.